

На экране компьютера всплыло диалоговое окно. Эмилии предлагалось ввести серийный номер. Она вздохнула и поудобнее устроилась на своем плетеном стуле. Такого рода требования больше всего раздражали ее. Что ж, сына рядом, слава богу, не было, и он не давал ей понять своим молчанием, что она слишком долго ищет очки, чтобы еще раз прочесть инструкцию. Сидя за письменным столом, которому нашлось место только в коридоре, Эмилия выпрямилась, пытаясь унять боль в спине. Сделала глубокий вдох, затем выдох и, тщательно проверяя каждую цифру, ввела те, что были указаны на карточке. Она прекрасно знала, что у сына нет времени на такие глупости, и тем не менее живо представила себе, как он сейчас шпионит за ней с помощью какой-нибудь видеокамеры, тайком установленной здесь же в коридоре, и бесится из-за ее неловкости, находясь у себя в офисе в Гонконге, как бесился бы и муж Эмилии, будь он сегодня жив. Недавно она продала последний из присланных сыном подарков и погасила долг по квартплате. Эмилия плохо разбиралась в часах, дизайнерских портмоне или фирменных кроссовках, но прожила достаточно долгую жизнь, чтобы понимать: любая вещь, завернутая более чем в два слоя целлофана, помещенная в обитую

бархатом коробку и с чеком, заверенным подписью и печатью поставщика, стоит столько, что вырученных за нее денег с лихвой хватит, чтобы такая пенсионерка, как она, расплатилась с долгами. А еще подарки сына лишний раз доказывали, как мало он знает о жизни своей матери. У Эмилии забрали ее блудного сына, едва ему исполнилось девятнадцать, — сманили непристойно высокими заработками, а затем начали перевозить из страны в страну. И теперь мальчика ей уже не вернут, хотя непонятно, кого в том винить.

Экран снова замигал. “Серийный номер принят”. Компьютер у Эмилии был далеко не последней модели, но для ее нужд вполне годился. Следующая надпись гласила: “Соединение с кентуки установлено”, и тут же открылось новое окно. Эмилия нахмурилась: и зачем только нужны все эти послания, если их невозможно расшифровать? Они действовали ей на нервы, но без них почти никогда не обходились приборы, которые присылал сын. Стоит ли терять время, пытаюсь освоить то, что больше ни разу в жизни тебе не понадобится? Вот о чем она всякий раз спрашивала себя. Эмилия посмотрела на часы. Почти шесть. Скоро позвонит мальчик и спросит, понравился ли ей подарок, поэтому она постаралась не забивать себе голову ненужными сейчас мыслями и сосредоточиться. На экране появилась клавиатура — именно такой они с сыном пользовались, когда играли в морской бой, прежде чем те люди увезли его в Гонконг. Над клавиатурой выплыло предложение: “разбудить”. Она щелкнула по нему. И сразу большую половину экрана заняло видео, а клавиатура разделилась пополам и разъехалась в стороны, сжавшись до маленьких иконок.

На видео появилась кухня в неведомо чьей квартире. У Эмилии даже мелькнуло подозрение, а не кухня ли это ее сына, хотя все здесь явно шло вразрез с его вкусом, к тому же у него на кухне просто не могло быть ни такого беспорядка, ни такого количества лишних вещей. Журналы лежали на столе под банками пива, чашками и грязными тарелками. Открытая дверь вела в маленькую комнату, столь же неухоженную.

Послышался нежный, похожий на пение шепот, и Эмилия нагнулась поближе к экрану, чтобы разобрать, что там происходит. Колонки у нее были старые, из них шел посторонний шум. Когда звук повторился, стало ясно: это женский голос, и какая-то женщина обращалась к ней на незнакомом языке, но Эмилия не понимала ни слова. Она еще могла бы справиться с английским, правда, если бы говорили медленно, но язык на видео с английским ничего общего не имел. И тут на экране появилась девушка с темными влажными волосами. Она снова что-то сказала, и на этот раз на экране всплыло окно с вопросом, не нужно ли подключить переводчик. Эмилия предложение приняла, ткнула в кнопку “испанский”, и, когда девушка опять заговорила, поверх картинки появились желтые субтитры: “Ты меня слышишь? Ты меня видишь?”

Эмилия улыбнулась. На своем экране она наблюдала, как девушка подошла совсем близко. У нее были светлые глаза, колечко в носу, которое совсем ей не шло, и сосредоточенное выражение лица, словно она тоже никак не могла до конца поверить в то, что сейчас происходит.

— *Yes.* — Это было все, что Эмилия смогла выдать из себя.

Похоже на разговор по скайпу, догадалась она. И сразу задалась вопросом, а не знаком ли сын с этой девушкой, и вознесла молитву Господу, чтобы это было не так, поскольку, за редкими исключениями, не жаловала женщин, которые слишком напористо демонстрируют свой бюст, и не из-за каких-то там нелепых предрассудков, просто за плечами у нее было целых шестьдесят четыре года прожитой жизни.

— Привет, — сказала Эмилия только для того, чтобы убедиться, что девушка не может ее услышать.

Та открыла инструкцию размером с две ладони, поднесла к самым глазам и начала быстро читать. Наверное, обычно она носила очки, но постеснялась надеть их перед камерой. Вообще-то, Эмилия еще не до конца разобралась, в чем суть новомодной выдумки с этими самыми кентуки, но сейчас не могла не признать, что ее все-таки кольнуло любопытство. Девушка читала, кивая по ходу дела, но при этом не забывала время от времени поглядывать поверх инструкции на Эмилию. И внезапно вроде бы приняла решение, опустила инструкцию и заговорила на своем непонятном языке. Переводчик написал на экране: “Закрой глаза”.

Приказ удивил Эмилию, и она машинально выпрямила спину. Закрывает глаза и досчитала до десяти. Потом открыла и убедилась, что девушка по-прежнему смотрит на нее, будто ожидая какой-то вполне определенной реакции. И тут она увидела на экране своего компьютера новое окно, которое услужливо предлагало опцию “спать”. Она нажала на эту опцию, и экран потух. Эмилия услышала, как девушка засмеялась и захлопала в ладоши, затем снова загово-

рила. Переводчик написал: “Открывай! Ну открывай же глаза!”

На экране всплыла новая опция: “разбудить”. Когда Эмилия нажала на нее, снова включилось видео. Девушка улыбалась в камеру. Глупость какая-то, подумала Эмилия, но не могла не признать, что во всем этом есть своя изюминка. Что-то берущее за живое, хотя пока еще трудно было угадать, в чем тут дело. Эмилия нажала на кнопку “вперед”, и камера сразу на несколько сантиметров приблизилась к девушке, и та опять радостно засмеялась. Эмилия увидела, как она медленно, очень медленно поднесла указательный палец прямо к камере со словами: “Я трогаю твой нос”.

Буквы в переводе были большими и желтыми, читать их было удобно.

Эмилия нажала на кнопку “назад”, и девушка повторила тот же жест. Она явно была заинтригована — вне всякого сомнения, для нее это тоже был первый опыт, — поэтому и не думала сердиться на Эмилию за неумение обращаться с новой игрушкой. Они вместе осваивали ее. Эмилии это понравилось. Она опять отступила, а девушка опять захлопала в ладоши.

“Подожди”.

Эмилия подождала. И, увидев, что девушка куда-то пошла, быстро нажала кнопку “влево”. Камера повернулась, стало понятно, насколько маленькой была квартира: на экране появились расшатанное кресло и дверь в коридор. Девушка снова заговорила, и хотя теперь она не попадала в кадр, переводчик все равно выполнял свою роль: “Вот смотри — это ты”.

Эмилия вернулась в прежнюю позицию и снова увидела девушку, которая теперь держала перед са-

мой камерой картонную коробку размером примерно сорок на сорок сантиметров. Крышка с надписью “Кентуки” была открыта. Эмилия не сразу сообразила, что именно и зачем ей показывают. Передняя стенка коробки была затянута прозрачным целлофаном, поэтому она сразу определила, что коробка пустая, а вот три других стороны были украшены фотографиями — вид в профиль, анфас и сзади: розовая с черным плюшевая игрушка, кролик, который на самом деле больше напоминал арбуз, чем кролика. Правда, у этого арбуза имелись два выпуклых глаза и, разумеется, пара длинных ушей. В нескольких сантиметрах над головой уши были скреплены между собой пряжкой — она помогала им стоять торчком, но уже чуть выше они, словно обмякнув, с двух сторон падали вниз.

“Ты красивая крольчиха. А тебе нравятся кролики?” — спросила девушка.